

Хаджи-Тархан / поэма

Category: Kitapcy, Poemalar
написано kitapcy | 25 января, 2025
Хаджи-Тархан / поэма ХАДЖИ-ТАРХАН

Где Волга прянула стрелою
На хохот моря молодого,
Гора Богдо своей чертою
Темнеет взору рыболова.
Слово песни кочевое
Слуху путника расскажет:
Был уронен холм живой,
Уронил его святой, —
Холм, один пронзивший пажить!
А имя, что носит святой,
Давно уже краем забыто.
Высокий и синий, боками крутой,
Приют соколиного мыта!
Стоит он, синея травой,
Над прадедов славой курган.
И подвиг его, и доныне живой,
Пропел кочевник-мальчуган.
И псов голодающих вторит ей вой.
Как скатерть желтая, был гол
От бури синей сырый край.
По ней верблюд, качаясь, шел
И стрепетов пожары стай.
Стоит верблюд, сутул и длинен,
Космат, с чернеющим хохлом.
Здесь люда нет, здесь край пустынен,
Трепещут ястребы крылом.
Темнеет степь; вдали хурул
Чернеет темной своей кровлей,
И город спит, и мир заснул,
Устав разгулом и торговлей.
Как веет миром и язычеством

От этих дремлющих степей,
Божеств морских могил величеством,
Будь пьяным, путник, – пой и пей!
Таун скакал, лелея гривы,
Его вожак шел впереди.
Летит как чайка на заливы,
Волнуя снежные извивы,
Уж исчезающий вдали.
Ах, вечный спор горы и Магомета,
Кто свят, кто чище и кто лучше.
На чьем челе коран завета,
Чьи брови гневны, точно тучи.
Гора молчит, лаская тишь.
Там только голубь сонный неся.
Отсель урок: ты сам слетишь,
Желая сдвинуть сон утеса.
Но звук печально-горловой,
Рождая ужас и покой,
Несется с каждою зарей
Как знак: здесь отдых, путник, стой!
И на голубые минареты
Присядет стриж с землей на лапах,
А с ним любви к иным советы
И восковых курений запах.
Столбы с челом цветочным Рима
В пустыне были бы красивы.
Но, редкой радугой любима,
Она в песке хоронит ивы.
Другую жизнь узнал тот угол,
Где смотрит Африкой Россия,
Изгиб бровей людей где кругол,
А отблеск лиц и чист и смугол,
Где дышит в башнях Ассирия.
Мила, мила нам пугачевщина,
Казак с серьгой и темным ухом.
Она знакома нам по слухам.
Тогда воинственно ножовщина

Боролась с немцем и треухом.
Ты видишь город стройный, белый,
И вид приволжского кремля?
Там кровью полита земля,
Там старец брошен престарелый,
Набату страшному внемля.
Уже не реют кумачи
Над синей влагою гусей.
Про смерть и гибель трубачи,
Они умчались от людей.
И Волги бег забыл привычку
Носить разбойников суда,
Священный клич «сарынь на кичку»
Здесь не услышать никогда.
Но вновь и вновь зеленый вал
Старинной жаждой моря выпит,
Кольцом осоки закрывал
Рукав реки морской Египет.
В святых дубравах Прометея
Седые смотрятся олени.
В зеркалах моря, сиротея,
С селедкой плавают тюлени,
Сквозь русских в Индию, в окно,
Возили ружья и зерно
Купца суда. Теперь их нет.
А внуку враг и божий свет.
Лик его помню суровый и бритый,
Стада ладей пастуха.
Умер уж он; его скрыли уж плиты,
Итоги из камня, и грез, и греха.
Помню я свет отсыревшей божницы,
Там жабы печально резвились!
И надпись столетий в камней плащанице!
Смущенный, наружу я вышел и вылез,
А ласточки бешено в воздухе вились
У усыпальницы – предков гробницы.
Чалмы зеленые толпой

Здесь бродят в праздник мусульман,
Чтоб предсказал клинок скупой
Коней отмщенья водопой
И месть гяуру (радость ран),
Казани страж – игла Сумбеки,
Там лились слез и крови реки.
Там голубь, теменем курчав,
Своих друзей опередил
И падал на землю стремглав,
Полет на облаке чертил.
И, отражен спокойным тазом,
Давал ума досугу разум.
Мечеть и храм несет низина
И видит скорбь в уделе нашем
Красив и дик, зов муэдзина
Зовет народы к новым кашам.
С булыжником там белена
На площади ясной дружила,
И башнями стройно стена
И город и холм окружила.
И туча стрел неслась не раз.
Невест восстанье было раз.
Чу! Слышен плач, и стан княжны
На руках гнется лиходея.
Соседи радостью полны,
И под водою блещет шея.
И помнит точно летописец
Сии труды на радость злобы,
И гибель многих вольных тысяч,
И быстро скованные гробы.
Настала красная пора
В низовьях мчащегося Ра.
Война и меч, вы часто только мяч
Лаптою занятых морей,
И волжская воля, ты отрок удач,
Бросая на север мяч гнева полей.
«Нас переженят на немках, клянусь!»

Восток надел венок из зарев,
За честь свою восстала Русь.
И, тройку рек копьем ударя,
Стоял соперник государя.
Заметим кратко: Ломоносов
Был послан морем Ледовитым,
Спасти рожден великороссов
Быть родом, разумом забытым.
Но что ж! Забыв его венок,
Кричим гурьбой: «Падам до ног».
И в звуках имени Хвалынского
Живет доныне смерть Волынского.
И скорбь безглавых похорон
Таится в песни тех сторон.
Ты видишь степь: скрипит телега,
Песня лебедя слышна,
И живая смерть Олега
Вещей юности страшна.
С косою двойною бог скота,
Кого стада вскормили травы,
Стоит печально. Все тщета!
Куда ушли столетья славы?
Будь неподвижною, севера ось,
Как остов небесного судна.
В бурю родились, плывем на авось,
Смотрим загадочно, грозно и чудно.
И светел нам лик в небе брошенных писем,
Любим мы ужас, вой смерча и грех.
Как знамя мы молодость в бурю возвысим,
Рукой огневою начертим мы смех.
Ах, мусульмане те же русские,
И русским может быть ислам.
Милы глаза, немного узкие,
Как чуть открытый ставень рам.
Что делать мне, мой грешный рот?
Уж вы не те, уж я не тот!
Казак сдувал с меча пылинку,

На лезвие меча дыша,
И на убогую былинку
Молилась Индии душа.
Когда осаждался тот город рекой,
Он с нею боролся мешками с мукой.
Запятав в брови взоры синие,
Исполнен спеси и уныния,
Верблюд, угрюм, неразговорчив,
Стоит, надсмешкой губы скорчив.
И, как пустые рукавицы,
Хохлы горба его свисают,
С деньгой серебряной девица
Его за повод потрясает.
Как много просьб к друзьям встревоженным
В глазах, торгующих мороженым!
Прекрасен в рубищах их вырез.
Но здесь когда-то был Озирис.
Тот город, он море стерег!
И впрямь, он был моря столицей.
На Ассирию башен нарек,
Околицы с сельской станицей.
И к белым и ясным ночным облакам
Высокий и белый возносится храм
С качнувшейся чуть колокольней.
Он звал быть земное довольней.
В стволах садов, где зреет лох,
Слова любви скрывает мох.
Над одинокою гусяной
Широкий парус, трепеща,
Наполнен свежю моряной,
Везет груз воблы и леща.
Водой тот город окружен,
И в нем имеют общих жен.

1913 г. Poemalar